

Прощание

Category: Некаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Прощание ПРОЩАНИЕ/ рассказ

Жизненный путь чабана Хошберды, тянется вот уже около восьмидесяти лет, распутываясь, словно клубок, и от него осталось уже столько, что нужно считать не саженьями, а длиной кисти руки. И эта мера могла закончиться сегодня, а могла протянуться до завтра. В глубине шестикрылой кибитки, на нескольких матрацах, постеленных один поверх другого, лежал старик, опираясь на пару подушек, и вокруг него сидели его ближайшие родственники. Был разгар лета. Одна из самых просторных комнат большого дома во дворе, в котором было установлено немалое количество кондиционеров, принадлежала одномутолько Хошберды ага. Но, словно почувствовав, что жить ему осталось столько дней, сколько можно пересчитать по пальцам, он заставил перенести его постель в кибитку. Пять лет тому назад, яшули, попрощавшись со степью, и поселившисьнавсегда в селе , соскучившись ли по своей молодости, специально отправил старшего сына Замана в Куняургенч, и, не считаясь с затратами, заказал эту белую кибитку знаменитым мастерам , прошедшим хорошую школу строительства древнего туркменского жилья. Возможно, он подумал о том, что и его родители, и его дальние предки простились с миром именно в таком доме, иначе не могли объяснить себе, не понимающие его сыновья и дочери, собравшиеся у смертного одра, его переезд из прохладного дома в кибитку, в которой воздух был таким горячим, что только чуть-чуть отличался от уличного. На следующий же день после переезда Хошберды ага из кирпичного дома в кибитку, произошло ещё одно непонятное происшествие. Перед решётчатой стеной кибитки с широко открытым дурлуком (кошма, обивающая стену) поздним вечером появился старый пёс. То, что он лёг очень близко от решётчатой стены кибитки, привлекло внимание всех, кто сидел у смертного ложа больного. Было видно, что этот пёс

не из их села , это можно было определить даже по его строению тела. В селе не было таких рослых псов. Состояние пса было очень плачевным, он был похож на потерявшего своего хозяина, и оставшегося без его заботы, был тощим, шерсть его была суховатая и безжизненная, местами выпавшая. Было видно, что пёс старый и доживает последние дни. Но его усталые большие глаза были очень умными. Для людей в доме казалось странным и непонятным, что какая-то чужая бродячая собака завернула к кибитке, и легла, положив свою большую голову на передние лапы, глядя полным надежды взглядом сквозь решетчатую стену. Но сам пёс всё понимал. Он бедняга шёл сюда два дня без воды и еды, и еле живой от усталости дошёл до села, чтобы достичь этого непонятного для людей состояния. Как только этот пёс пришёл и лёг у стены кибитки, хотя родные и не заметили ничего, на бледном лице Хошберды ага появилось новое выражение лица. Ресницы его полужакрытых глаз, которые неизвестно было, различали или не различали то, что перед ним, словно пошевелились, на пересохших губах появилось подобие улыбки. « Мой друг, ты пришёл попрощаться со своим старшим другом?» Он немного поднял голову, в его глазах появилась слабенькая искра. « Всегда мне очень нравилось когда ты мне обращался словами «мой друг» Я ведь собака., а ты челдовек... Я пришёл повидать тебя, Хошберды. Ты мне снился подряд три ночи. Я сказал себе, что это не к добру, и что если и помирать, то в дороге, которая ведёт в село к моему настоящему другу». « Как ты нашёл село, этот дом?» « Ты ведь сам говорил, что собака не забывает места, которое видел хоть раз. Помнишь?» Хошберды ага это помнил. Около десяти лет тому назад, восьми – девятилетний Акбилек был в самом своём расцвете сил. Был конец зимы, когда было дано тревожное предупреждение о возможном резком похолодании через неделю, и о том, что выпадет очень много снега, и заморозки продержаться около десяти дней. После того, как выпал тяжёлый снег, руководители, подумав о том, что будет очень тяжело почти половину месяца держать два тяжёлых стада, поставляя им корма за сто двадцать километров по бездорожью, посчитали правильным привести сами стада туда, где есть пища. Таким образом, дитя степи, чадо песков Акбилек вместе со

стадом чабана Хошберды, пришёл в село. Так как овец держали рядом с селом, чабан каждый день наведывался в свой тёплый дом, и Акбилек приходил туда множество раз. Оказалось, что Акбилек не позабыл те места, которые видел, и те тропы, по которым ходил. Акбилек, на роду которого было написано быть собакой сиротой, признавал самым близким своим покровителем только одного чабана Хошберды. Этот чабан и спас его от смерти, и выходил. Хотя Акбилек и не знал, когда и как разлучился со своей матерью, но он не забыл о том, что один – одинёшенек остался среди мусора и веток. Если бы чабан Хошберды, пасший овец, не забрёл случайно туда, где голодный, оставшийся без материнской опеки щенок, которому ещё не было и двух месяцев от роду, лежал среди травы, тихо таякая, Акбилек, который мог бы просто не дожить до утра следующего дня, не стал бы ни псом чабана, и ни увидел бы никогда этого села. Акбилек даже не знал, какое прозвище носил до того, как потерял мать. Так как на левой передней его ноге было небольшое пятнышко, чабан Хошберды назвал его Акбилек. (белая кист)

« Подойди ко мне, мой Акбилек, я поглажу тебя по голове!

“ Люди не подпустят меня к тебе, Друг. Я буду рад, если меня не изгонят отсюда. Мне достаточно просто видеть тебя. Я тоже теперь постарел. Наши и не живут-то больше двадцати лет. И мне уже примерно столько. Сколько мне осталось жить, знает только Бог. Я так рад, что снова вижу тебя”...

« Я тоже очень рад, что вижу тебя перед тем, как испущу последний вздох. Ты был мне товарищем в глухой степи, мой Акбилек. Ты был мне единственным спутником, мой Акбилек.»

« И ты был мне покровителем, родным».

«Ты помнишь, Акбилек, как мы с тобой разговаривали, когда шли за отарой. Иногда я рассказывал сказки, играл на дудочке, а ты с удовольствием слушал».

« Помню, помню. Ведь именно ты научил меня говорить в мыслях на человеческом языке. А помнишь, когда я был маленьким, ты бросил в меня в корпечку?»

« Этого что-то не припомню. Почему же я бросил тебя в горпечку? Наверное, разозлил меня. Ведь ты маленьким был

ужасно шкодливым. Такое вытворял, зная, что не трону. Иначе, что делать щенку в корпечке? Ведь там держат только ягнят...”

. « Я тебе напомню. На стадо налетели волки. А я, повторяя за старшими братьями, начал тьявкать и побежал за двумя псами, бросившимися за волками. А ты бежал с ружьём в одной руке, и другой рукой схватил меня за шкуру и бросил в глубокую корпечку рядом. А там было очень темно. Сверху послышался выстрел. Тогда я впервые в жизни услышал звук выстрела из ружья. Через некоторое время ты вытащил меня из горпечки и, положив за пазуху, погладил по голове. Тогда я почувствовал, что хороший человек и сам приятный, и руки у него ласковые. А потом ты сказал « Эх ты, мой дурачок! Пока ещё так не геройствуй!» А я ещё тогда посмеялся про себя, думая « Хотя все чабаны и подпаски ходят на двух ногах, они считаются умнее собак». А значение слова «дурачок» я понял попозже. Если бы ты тогда не бросил меня в укрытие, я мог стать добычей волков.»

« Человек или животное, когда признаёт свою ошибку, он словно очищается от скверны». « Хотя зло и забывается, нельзя забывать добро. Если звери понимают это, то многие люди делают наоборот, Хозяин. правда?»

« Не хочу говорить, что это правда, но не хочу и говорить что это неправда, Акбилек».

Человек в папахе из бараньей шкуры, сидящий у изголовья Хошберды ага, сначала с гневом посмотрел на улицу через решётку, потом обратился к юноше рядом.

– Иди, сделай так, чтобы этот проклятый пёс не подходил близко к кибитке!

Хошберды ага, услышав эти слова, хотел заступиться за Акбилека. Но у него не было сил действовать против людей, даже что-то говорить, он не мог даже пошевелить языком. Старик только немного вздрогнул, это было всё движение, которое он смог предпринять, желая защитить свою собаку. Но хотя собака поняла это, люди не поняли ничего.

« “Какое право имеют люди говорить своё мнение о том, чего не знают? Почему это я проклятый, а он чистый?»- думал он, но прилетевший с одной стороны старый башмак заставил его уйти от кибитки.

Как бы он не хотел уходить, Акбилеку пришлось отойти подальше от кибитки. Он понимал своё положение, и не забывал, где находится хвост у чужой собаки, опасаясь спокойно расхаживать по улицам села. Поэтому он поплёлся по проторенной тропинке за домом Хошберды ага. Пожилая женщина, появившаяся из густых зарослей тутовника, не оправдала ожиданий Акбилека. Она отступила на шаг от тропинки, уступив дорогу псу, подумав про себя « Вот бедное, бездомное, голодное животное. Даже нет ничего с собой, чтобы бросить ему». Хотя у неё не было ничего, Акбилек был не в обиде, ведь как часто говорил чабан, «Если нет у тебя пшеничного хлеба, пусть хотя бы будет пшеничное слово». Почти в конце тропинки ему встретился ещё один человек. Увидев неприятный взгляд приближающегося юноши, Акбилеку самому пришлось сойти с тропинки, и дать ему дорогу. И даже тогда этот юноша проговорил про себя « Пристреливать надо таких бродячих голодных псов». « “Я уступил тебе дорогу, уважил тебя, как человека. Все равно ты хочешь меня убить? Даже если я голоден, разве я у тебя просил хлеба?»

За арыком, по краям заросшим тутовником, было широкое низковатое место. Там десять-пятнадцать человек сомкнулись в кольцо, и на что-то смотрели. Вдруг оттуда послышался собачий лай. Акбилек не смог пройти мимо своих сородичей.

...Так как на него никто не обращал никакого внимания, он подошёл поближе и стал свидетелем душераздирающей сцены. Люди стравили двух псов. Головы, глаза обоих псов были залиты кровью.

« Вот тебе и человечность! Получая удовольствие от драки двух живых существ, они ещё называют себя людьми. Собаки не стали бы радоваться, мучая людей, стравливая их. Среди дюдей и среди собак есть плохие, есть хорошие. Но они плохих своих сородичей всегда обзывают собаками. Мы ведь так не делаем, хотя творимый грех человека на земле гораздо больше, чем у собак. Кажется Бог допустил непоправимую ошибку доверяя судьбу жизни людям Мы бы поиному построили мир по иному. Были бы все люди как мой Хозяин! Тогда не было бы собачей травлы и больших войн создаваемые людьми, чтобы самим же погибнуть»

Акбилек быстро удалился с места, где получали удовольствие от

крови. Он ушёл, но опять вернулся, так как захотел поскорее пойти снова туда, где из-за решётчатой стены кибитки видно самого близкого ему человека.

За спину Хошберды ага подоткнули подушку и немного его приподняли. В доме не было других изменений. Казалось, больной сидит, немного закинув голову назад. Акбилек прошёлся туда и обратно перед кибиткой, словно желая, чтобы люди в доме свыклись с его присутствием, потом сел на двух задних ногах подальше от того места, с которого его согнали.

– А этот-то снова вернулся – сказал человек, ранее давший задание выгнать пса.

« И что с того, что вернулся? Я же не вернулся, чтобы тебя увидеть. Или я помешал тебе, или залаял, или завыл?- сказал про себя пёс и обратил свой взор на больного.

«Как ты себя чувствуешь, Хозяин? «Увидев тебя, мне полегчало, мой Акбилек». « У меня тоже как будто прибавилось сил, когда тебя увидел». Ещё одно обратило на себя внимание Акбилека в широкой кибитке. И это был старый чекмень–халат, висевший в глубине дома. Хотя чекмень и был очень старый, он радовал взгляд Акбилека. Ведь он так часто шагал рядом с этим чекменем. Он часто дремал на полах этого чекменя, когда чабан Хошберды весной сидел на холме и наблюдал за овцами, пасшимися в низине.

« Однажды ты два дня не кормил меня, а на третий день поставил передо мной целую миску костей, Хозяин. Помнишь? Так как я был очень голоден, то грыз эти голые кости целый час. Сколько я их не грыз, не было ничего, что бы зацепилось мне на зубы. Потом ты забрал кости и потихоньку меня накормил.

« Таким образом я иногда точил твои зубы». « Я об этом узнал потом .Мы только не сидели за одним сачаком, даже ели в одно время. Сначала поставив миску передо мной, только после этого ты садился кушать сам.Если во время обеда меня не было в коше, ты искал меня и звал. Ты был таким человеком. И поэтому я любил тебя,Хошберды. Мы были друзьями, братьями”...

« Ты тоже не был глупым или прожорливым псом, мой Акбилек. Даже если оставался голодным по какой-то причине, не нюхал казан или миску».

«Когда однажды подпасок Маммед хотел вылить в мою миску помои, ты накричал на него. « Отдай помои мне, а не Акбилеку» - _ сказал ты. Я всё помню, Хошберды. Когда приехал председатель, и прикрикнул на меня « А ну иди отсюда!» ты помнишь, что ответил? «Не осталось это в моей памяти, мой Акбилек».

« Я напомним. Ты сказал ему гневно: « Акбилек не из тех псов, с которыми так обращаются, башлык». Я всё помню, Хозяин, всё помню. Когда ты однажды ездил в село, ты велел подпаску «Хорошо смотри за Акбилеком!» Даже если ты пёс, хорошо быть псом, о котором заботятся. Пока был ты, у меня словно была стена за спиной. Люди не зря говорят: «Пёс, за которого стоят горой, победит волка».

Я был таким псом, за которым был ты, и я был псом, побеждающим волков, который не боялся волков. Потому что, когда я бросался на волка, я верил, что за мной стоит моя опора с ружьём в руках. Какой же ты хороший человек, мой Хозяин». « Ладно, ладно...Не надо захваливать, человека, который вырос, кормясь сырым молоком. Возгордится».

« Я до смерти не забуду твою заботу обо мне, Хошберды, когда меня однажды поранил волк. Ты смотрел за мной, как за своим ребёнком. Ты многому меня научил, очень многому, мой Учитель».

« Я тоже научился у тебя одной очень большой вещи, мой Акбилек. Почётнее быть верным псом, чем неверным человеком. Ты уж мне поверь. Я знаю и того и другого. Поверь... Ты, наверное, голоден, мой Акбилек. Тебя ведь никто не покормит».

« Ты даже в таком состоянии заботишься обо мне. Если люди не выгонят меня отсюда, я буду считать, что меня покормили. Я проделал этот тяжёлый путь не для того, чтобы наполнить своё голодное брюхо, а для того, чтобы увидеть тебя...»

Хотя Хошберды ага лежал так же, как и прежде, те, кто сидел , глядя на него, вдруг заволновались. Акбилек почувствовал, что что-то случилось. Акбилек весь содрогнулся от громкого плача нескольких людей. Кто-то входил в дом, кто-то выходил из дома. Акбилек решил отойти подальше от стены. Вдруг он почувствовал, что высокий худой человек, стоящий за решётчатой стеной, с интересом смотрит в его сторону. В глазах этого человека стояли слёзы, но не было видно ненависти к псу. Это был

старший сын чабана Хошберды Заман... Акбилек не знал, что ему делать. Если он подойдёт ближе к дому, его выгонят, закидав камнями.

Он начал действовать по обстоятельствам, пошёл в заросли кукурузы в огороде Хошберды ага и лёг, глядя в сторону кибитки, не привлекая внимания.

Назавтра на рассвете, вокруг дома стало больше движения, начали прибывать люди, пешие и на автомобилях. В полдень из дома вынесли гроб, украшенный красиво, и поставили его на широкой площадке перед шестью короткими рядами людей. Хотя Акбилек видел такое впервые в своей жизни, он предположил, что это значило. И вдруг, поднялся шум и мужчины отправились, подняв гроб. Акбилек сначала стоял в растерянности, но вдруг быстро пошёл за людьми. Он шёл по улице, переходя то на левую, то на правую сторону, и не отрываясь, смотрел на гроб. «Куда тебя несут?» - спрашивал Акбилек. Но со стороны гроба не было ни звука. Вместо этого кинутый в его сторону камень попал прямо ему в спину. До самого кладбища такие камни бросали в него пять или шесть раз, попадали они в него или нет.

Но как бы его не гнали, Акбилек не отдалялся от процессии.

Люди долго задержались рядом с кучей песка. Но сколько бы они не задержались, Акбилек кружил поблизости. Когда люди возвращались, на их плечах не было гроба. Поэтому, хотя люди и вернулись назад, Акбилек не покинул кладбища.

До седьмого дня после смерти Хошберды ага Акбилека видели несколько раз через решётчатую стену кибитки. Но на старом псе с белой отметиной на передней левой ноге не задержался взгляд ни у кого, кроме старшего сына покойного – Замана. А те, кто и видел его, посчитали голодным бродячим псом, который пришёл сюда на запах готовящейся еды. То, что Акбилек был голоден – это была правда, но он не был бродячим псом. Только Заман подумал об Акбилеке по – другому. И к тому же, мальчишки, которые пасли скот рядом с кладбищем, рассказывали много раз Заману, что какой-то пёс с отметиной на ноге, лежит на могиле старика.

Когда мальчишки гнали его, бросая в него камнями, он уходил, но покружив подальше, снова возвращался и ложился у могилы.

Это известие ввергло в ещё большие сомнения Замана, который с тех пор, как увидел этого пса с отметиной на ноге через решётку стены, предполагал, возможно, по своему, один из невозможных в жизни случаев.

В селе жил один пожилой человек по имени Хазрет ага, все предки которого были чабанами, который и сам большую часть жизни провёл в песках. Когда Хезрет ага пришёл на поминки седьмого дня, Заман, провожая его, подальше от людей, попробовал разобраться в своих предположениях. Старый чабан потиердил, что нет оснований сомневаться в верности этих предположений.

Что бы не говорили о чувствительности собак и верблюдов, всё будет мало. братец. Однажды я загшрузил на верблюда две бочкаи и поехал к колдодцу и когда дошли до середины пути, началась такая буря, что я думал, на мою бедную голову обрушилась преисподняя.

Сыпучий песок, словно вода, кипящая в казане, бурлил и пересыпался. Невозможно было разобрать, где небо, а где земля, где север, где юг. Когда я уже собирался читать молитву, прощаясь с жизнью, думая, что вот и настал мой смертный час, я вдруг вспомнил, о чём наставлял меня покойный отец, рассказывая мне, что делать в подобных ситуациях, и повязав уздцы на шею верблюда, отпустил их и сел поудобнее и ухватился покрепче. Прошло около часа, когда верблюд остановился. Открываю глаза, бедняга стоит около колодца ... А собаки ещё чувствительнее, чем верблюды, братец Заман. А если она и раньше хотя бы один раз видела эти места... Ты говоришь, двухдневный путь, умная, понятливая собака преодолевает даже путь в пять дней...

Акбилек дни и ночи проводил на кладбище. Даже если у него не было силы ходить, когда от лежания на могиле у него затекали ноги, он вставал, шёл сорок – пятьдесят шагов и снова возвращался на прежнее место.

У него ещё было много чего сказать чабану Хошберды, вопросов и много других хороших вещей. Теперь в этом мире не было человека, который бы мог поговорить с Акбилеком о прошлых

днях, дать Акбилеку хорошие советы, говорить Акбилеку о своих заботах, даже понимать язык Акбилека. Какой интерес, какое удовольствие, какая сладость может быть в мире, где с тобой не поговорят, где твой язык не понимают, в мире, где нет друга, понимающего тебя с полуслова. Мир только тогда является миром, когда в нём есть кто-то, с кем можно поговорить по душам, кому можно верить свою жизнь, кто ценит тебя, понимает. А если ты никого не ценишь, тебя никто не ценит, ты превратишься в ничто и весь твой мир превращается в ничего не значащую пустоту.

Прошлой ночью, когда был похоронен почитаемый человек, даже над кладбищем почти до самого рассвета раздавалась похожая на неприятный шум музыка, не давая даже мёртвым спокойно лежать в своих могилах.

Разве нельзя сделать так, чтобы эти звуки музыки, считающиеся символами радости, хотя бы в те дни, когда хоронят людей, не доходили до кладбища, чтобы не слышали их родные усопших? Или люди должны радоваться, когда человек умирает?

А ведь сами же создали такую хорошую поговорку « Кто не уважает своих умерших, не будет уважать и живущих». Ну и что с того, что создали? Люди, которые могут пускать музыку в день, когда умер их сосед Хошберды, скорее всего, не уважают ни живых, ни мёртвых. Или они думают, что сами не умрут никогда?

... Вопрос с Акбилеком не давал покоя Заману. На следующий день после поминок седьмого дня, он пошёл на кладбище, не сказав никому из домашних, куда и зачем направляется. На кладбище царило безмолвие и тишина, от которой шумело в ушах, только трава тихо шевелилась от ветерка, не было ни души.

Но вид одного животного, лежащего здесь, еле дыша, заставил биться быстрее сердце даже у немолодого уже Замана. То, как неподвижно Акбилек лежал, положив голову на передние ноги, прикасающиеся к холмику могилы, заставило прослезиться человека, которому было за пятьдесят лет. Пёс был жив, и хотя он и не поворачивал головы, но краем глаза смотрел на подошедшего человека. Хотя человек подошёл к нему очень близко, он не напрягся, он не забеспокоился, когда человек присел рядом, не испугался, когда человек погладил его по голове. Наоборот, когда впервые после стольких лет рука

человека погладила его по голове, Акбилек вспомнил пески, представил себе чабана Хошберды.

Заман не долго сидел рядом с псом, он направился в сторону машины, оставленной неподалёку. Через некоторое время перед Акбилеком появилась миска с мясным супом и большая миска с холодной водой. Пёс видел всё это, но казалось, это его ничуть не привлекает.

Хозяин руки снова ласково погладил его по голове и сказал приветливо: – Ешь, бедняга! Я же специально для тебя принёс. Пёс не двигался. Чтобы оставить его одного, сердобольный человек, появившийся рядом с псом, пошёл в сторону машины. Сев в машину, он посмотрел в сторону могилы. Пёс лежал, как и прежде. Но он сумел прийти к выводу « Ещё в мире не закончились настоящие люди»...

С желанием обновить еду и воду, на завтрашний день Заман вновь поехал на кладбище. По дороге он подумал о том, что когда пёс устанет лежать у могилы своего хозяина, нужно забрать его и держать в своём доме, сказал про себя « Потихоньку привыкнет к нам». Это было бы лучше и для Замана, и для пса. Но старший сын чабана Хошберды не смог осуществить своё желание. Когда Заман пришёл на кладбище, пёс лежал на том же месте, еда, принесённая вчера, была нетронута, вода не выпита. Акбилек был мёртв.

Но даже в момент смертельной горячки он не убрал ног с холмика могилы.

Заман долго стоял, глядя на могилу, поверхность которой ещё даже не успела высохнуть, и на пса, лежавшего, словно обнимая могилу, потом взял вчерашние миски, вылил содержимое, отойдя подальше, и пошёл в сторону машины.

Когда Заман вышел из машины, съездив в село, в его руках был старый чекмень отца, который он носил в песках и лопата. Он подошёл к могиле, завернул труп собаки в чекмень чабана, завязал в нескольких местах верёвкой, потом взял лопату и пошёл в сторону кустов в двадцати-тридцати шагах позади могилы. Некауалар